

КОМЕНДАНТ БАГРАСА

В феврале исполняется 51 год с того дня, когда в трудовой книжке Евгения Большагина была сделана первая «северная» запись.

Кавалер орденов Дружбы народов и Трудового Красного Знамени, заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РФ, первопроходец, начинавший свой нефтяной путь на Баграссе, а потом продолживший его на Самотлоре.

Какой он, этот человек-легенда? Мудрый руководитель, уважающий рабочих. Честный, искренний, называющий вещи своими именами, обладающий тонким чувством юмора и безмерно любящий свою семью. Одним словом, настоящий мужчина.

Неудивительно, что таким, как Большагин, Сибирь покорила.

Фронт работ

Глядя на Евгения Васильевича, ловишь себя на мысли, что иногда фамилии людей определяют их судьбу. Видимо на роду было написано Большагину «заниматься большими делами». Проработав до приезда на Север девять лет в Башкирии, он уже имел богатый опыт в деле нефтедобычи: и оператором был, и помощником мастера, и технологом. Так что вместо рекомендаций в его дорожном чемодане находились 34 грамоты за успехи в труде.

— Направление «на Север» в 60-х было очень популярным. Настоящее паломничество, — вспоминает Евгений Васильевич. — Мне пришлось задержаться в Тюмени. Город поразил тем, что был похож на плацдарм военных действий: по улицам самоходки, «Уралы» ездят, в аэропорту столпотворение... Эту постоянно движущуюся картину я наблюдал почти неделю, пока мне удалось наконец-то вылететь в Нижневартовск. Добрался до конторы «Мегионнефти», оформил документы. На следующий день приехал начальник промысла Иван Иванович Рынковой и вместе с ним я отправился по месту назначения, на Баграс. Там меня уже ждал Александр Иванович Суздальцев, с которым мы дружили еще со школьной скамьи. Он-то меня со всеми и познакомил. На следующий день мы с Рынковым обсудили мой «фронт» работ.

А был этот «фронт» немалый. В 1965 году Баграс представлял собой не просто промысел с двенадцатью скважинами, а настоящий рабочий поселок, в котором были 4 барака и столько же домов, школа, пекарня, столовая, клуб, магазин, баня. Двадцатисемилетнему начальнику участка Евгению Большагину предстояло управлять всем этим «хозяйством», контролировать, чтобы продукты завезли, хлеб испекли, дров запасли, воду для бани принесли и многое другое...

— Кстати, о бане. Ту, которая была, нефтеразведчики разобрали (вероятнее всего им понадобился дизель, а он находился под одной крышей с баней). Поэтому, чтобы помыться, надо было добираться в Мегион, — рассказывает Евгений Васильевич. — «Поход за чистотой» занимал полдня: 4 часа в одну сторону на «самоходке», столько же — чтобы дождаться очереди, а потом еще часа четыре обратно плыть. Неудивительно, что после одного из таких путешествий мы решили на Баграссе свою баню срубить.

«Первый начальник участка нефтепромысла. Помимо основной работы, связанной с добычей нефти, он ведал всеми вопросами быта в поселке Баграс. Его называли коммендантом Баграса за то, что он содержал поселок в образцовом порядке. Оперативно и ос-

новательно решал все вопросы быта нефтяников, прибывающих в поселке», — такую краткую характеристику позже дал Большагину в своих мемуарах старейший работник «Мегионнефти» Павел Иосифович Ходовец.

О быте и семье

Весь этот «образцовый порядок» Большагину приходилось организовывать самому, ведь у каждого руководителя «Мегионнефти» и без того было дел невпроворот. Да и географическая объекту нефтедобывающего управления оказались настолько разбросаны, что за советами не наездишься. НПУ находилось в Нижневартовске, контора промысла — в Мегионе (в районе теперешнего магазина «Солнышко»). Там собирались для подведения итогов и решения различных производственных вопросов. На первом этаже «деревяшки» размещалось общежитие, в котором жили Нежура, Рогожин, Попов. Четвертая койка предназначалась для Большагина, когда тот приезжал на совещания. Так что жил Евгений Васильевич на три «дома»: Баграс, Нижневартовск, Мегион. Где ночь застанет, там и ночевал.

— У меня был отличный транспорт — небольшой катерок «водо-мет». В нем каюта. Команда — капитан и два человека на борту, — рассказывает ветеран. — Из плавсредств была еще и баржа «колхозница». Ее капитан, Елена Ивановна, постоянно ходила в мужской форме, и никто не думал, что это женщина. Так что новенькие зачастую «велись» на подкаски бывалые и обращались к ней «Коля». Ох, и злилась капитан... В принципе, вполне обосновано.

Почему так много внимания «коменданту Баграса» приходилось уделять бытовым вопросам? Во-первых, нужно было создать хотя бы элементарные условия для проживания людей, трудившихся в жестких климатических условиях. Во-вторых, в 60-е работа на

промысле зависела от сезона: зимой она практически не велась (за исключением ремонта оборудования). Нефть перевозили баржами; и пока река была покрыта толстым слоем льда, эти «танкеры» стояли на приколе.

— Зимой становилось скучно. Одна радость — кино. Мужики «киношника» напоят и «крутят», что есть. А было-то немного. Помню, я раз семь смотрел картину «Верьте мне, люди», — смеется Евгений Васильевич. — И еще, если сейчас в кинотеатрах многие зрители поп-корн берут, то тогда жители Баграса на время просмотра набивали полные карманы кедровыми орешками. В результате за время сеанса пол клуба покрывался шелухой.

О том, что у Большагина отличное чувство юмора, понятно практически по любой истории. Основано оно на безграничном оптимизме. Ведь те ситуации, о которых Евгений Васильевич рассказывает со смехом, пессимистически настроенный человек поведаль бы со слезами на глазах.

— Связь с внешним миром отсутствовала. Даже радио не работало. Помнится, старший инженер «Мегионнефти» Олег Попов подарил мне небольшой радиоприемник «Алмаз». Мы все очень обрадовались. Попытались настроить, крутили-вертели, но аппарат молчал. Начальник НПУ Борис Иванович Осипов посмотрел его и говорит: «Выбросить!». Так нам же жалко. Ночью включили — заработал. Правда, «ловил» лишь волну из Китая. Программы транслировались на ломанном русском, да и, честно говоря, слушать там было нечего. Главное, у нас появился приемник — «маленький элемент цивилизации», под звук которого, кстати, хорошо засыпалось, — рассказывает Евгений Васильевич. — Что касается других источников информации, то все были счастливы, когда в начале 70-х в Нижневартовске появилось телевидение. Каждый день показывали фильм о Чапаеве, новости. А самым «социально значимым» ежедневным сообщением в то время стало объявление «баня работает» или «баня не работает». «Оплот чистоты» находился на перекрестке теперешних улиц Таежной и Мусы Джалиля. Даже в «приемные дни» из-за неустойчивости электроснабжения отсутствовала либо холодная вода, либо горячая. Когда был лишь кипяток, то проблему решали следующим образом: мужики вставали цепочкой к траншее, выртой неподалеку от бани. Набирали воды и носили в помещение. Помню, как удивилась моя жена, когда с «большой земли» приехала. Идем с ней с автостанции домой, и видим, как вокруг бани по морозу полуголые мужики с тазами бегают... Так что «картина северного быта» вырисовалась для моей Нины сразу. Надо сказать, что она ее не испугала. Видимо нам, молодым, все было по силам.

Чтобы понять, в каких условиях приходилось жить первопроходцам и их семьям, достаточно послушать пару рассказов Большагина.

— Дочке было пять лет. Пошли с ней воды набрать. Когда фляга наполнилась, я хотел Леночку на руки взять, но не получилось. Валенки пристыли, — делится Евге-

Так красноречиво встречал Север прибывающих. Один из главных плакатов гласил: «Мегионские нефтяники в 1965 году добудут 300000 тонн нефти». И в этом никто не сомневался

ний Васильевич. — Сын Саша в то время уже в школу ходил. Активные дни зимой безошибочно определял без всякого термометра: вставал с постели и тут же смотрел, сколько гвоздиков на полу покрылись изморозью. Если больше восьми белых шляпок, значит, занятия отменялись. У Саши, как старшего, были еще и по дому обязанности. Как-то взял он талоны и пошел за молоком. Прибежал весь взъерошенный и без продуктов. Оказалось, что сын решил помочь медвежонку, который в диспетчерской жил, на скамейку залезть: подошел и лапу поправил. Такое вмешательство косолапому явно не понравилось: развернулся и «врезал».

Большагин-младший с детства мечтал быть летчиком. Им и стал. Пятнадцать лет работал в гражданской авиации Салехарда. Он и сейчас верен своему увлечению: занимается с курсантами авиаклуба.

Каждую историю о своих близких Иван Васильевич повествует с такой теплотой, что просто нельзя не восхищаться. Вполне закономерно, что благодаря родительской любви дети Большагиных выросли людьми порядочными и успешными. Кстати, дочь и внук Евгения Васильевича пошли по его стопам — стали нефтяниками.

Трудности закаляют

Два значимых события в жизни Баграса, которые, по словам Евгения Васильевича, прошли мимо него, — первый нефтяной фонтан в 1961-м и паводок в 1966-м. Когда открыли «черное золото», он еще работал в Башкирии, а когда

случилось природное бедствие, Большагину делали операцию.

«Очень большие неприятности доставило нефтяникам половодье 1966 года. Такого высокого паводка не было с 1941-го, — написано в воспоминаниях П.И. Ходовца. — Вся мегионская площадь оказалась под водой. Затопило поселок Баграс, где после геологов жили нефтяники. В довершение всех бед всплыл двадцатикилометровый нефтепровод, по которому нефть откачивалась в нефтепарк в Мегионе. Это произошло потому, что проектировщики не предусмотрели закрепление трубопровода в траншее с помощью якорей или бетонных пригрузов. С вертолета было видно, как на свинцовых волнах безбрежного половодья извивалась черная лента трубопровода, грозящая в любой момент разорваться и выплеснуть на воду сотни тонн нефти. И действительно, вскоре на сварных швах, на стыке труб стали возникать трещины, через которые просачивалась нефть. На ликвидацию аварии были брошены все силы: рабочие, плавучие краны, баржи со сварочным оборудованием, катера».

Позже наводнения, хоть и не столь масштабные, как вышеупомянутое, случались на Баграссе почти каждый год. Чтобы противостоять им и не допустить порывов, требовалось обеспечить надежность трубопроводов.

— Тянули трубопровод рабочие СУ-14. Не секрет, что большинство из них были заключенные, — вспоминает Большагин. — Ребята молодые, да и не специалисты. А значит, без постоянного контроля никак нельзя. К примеру, если на трубу

Наводнения случались на Баграссе почти каждый год. Чтобы противостоять им и не допустить порывов, требовалось обеспечить надежность трубопроводов

изоляция накладывали, то я вырезал треугольник, чтобы проверить, сколько там слоев, все ли правильно сделали.

Удивительно, но даже с таким спецконтингентом Большагин без труда нашел «общий язык». Возможно потому, что в каждом рабочем всегда видел человека. Он даже сейчас не называет фамилии тех, кто, отбывая наказание, работал на Баграсе. Не потому, что забыл, а чтобы не обидеть.

— Помню, как ехали мы с одним из заключенных на тракторе по замерзшей реке. В один момент мне показалось, что гусеницы стали назад крутиться. Глядь, а я уже по колено в воде. «Везуход» тонул. Я еле успел из кабины выскочить. Выбрался на лед. Оглядываюсь, может водителя спасать надо. Не пришлось. Он уже был рядом со мной. Поспешили к берегу. Когда почувствовали себя в безопасности, парень остановился и произнес так задумчиво: «Вот, Васильич, если б я тебя утопил, мне бы еще лет десять дали». Мы вместе рассмеялись, — делится Евгений Васильевич. — Вообще, мне очень повезло с людьми, с которыми работал. Расскажу еще один случай, чтобы стало понятно, какими они были. Как-то в районе 137-138 скважин произошел порыв коллектора. Мы с рабочим Юрой Мигачевым подплыли к предполагаемому месту на катере. Где порвало — не понятно. Тогда Юра разделся и нырнул. Минуты не прошло, как он протянул трос под трубой и подал его мне. Чтобы соединить разорванные концы, мы подняли их над водой с помощью двух «амфибий». Сварщик (кстати, тоже из заключенных) работал так, что мы от напряжения замерли. Представьте себе: волна бьет такая высокая, что парня не видно. Схлынет вода — он снова варит. В итоге, когда Рынковой с Арнопольским подплыли к нам на своем катере, труба была цела. По ней можно было подавать нефть.

О людях достойных

За что «коменданта Баграса» уважали? Начальство — за то, что умел работу организовать, рабочие — за справедливость и смелость. А как иначе относиться к человеку, который и сам нырял в ледяную воду, чтобы перекрыть вентиль на трубопроводе?..

— Я считаю, что каждый из тех, кто начинал осваивать Север, стоял у истоков его нефтяной истории, — герой. Ведь нужна огромная сила духа, чтобы не бросить все на полпути. Особенно, при таких трудностях. К примеру, когда тащили буровую, каждые сто метров обрывался трос, проваливался трактор. Метр за метром, неделями продвигались по бездорожью, но не сдавались, — говорит ветеран. — Нефтяники — народ особый, способный на подвиг. Для меня, как руководителя, всегда было главным — не обидеть человека. Наказать — дело несложное, но гораздо важнее понять и помочь. Тогда и отношения с людьми остаются честными, и сам с собой в ладу живешь. Помню, как-то мастер отправил одного провинившегося ко мне на «взбучку». Сажу в кабинете. Знаю, что стоит он под дверью и придумывает, как меня обмануть, чтобы сильно не наказали. «Заходи, — говорю. — Садись... Извини, мне в диспетчерскую срочно надо». Через пять ми-

нут возвращаюсь и «с тыла» задаю вопрос о том, что случилось. От неожиданности нарушитель так растерялся, что забыл «заготовленную версию». «Залпом выпалил» все, как на духу. Поговорили откровенно. Я его не наказал, и как показало время, это был лучший вариант решения, поскольку потом этот человек работал без замечаний.

Рассказывая о нефтяниках 60-х, Евгений Васильевич далек от идеализации, он описывает реальную картину происшедшего:

— Текучка была огромная. Помню, как в 1966 году я пять суток плыл на пароходе ВТТ-5. Рядом со мной мужчина стоял. Стучал себя по гладко выбритой голове кула-

очень близко к сердцу принимал. Из-за этого, наверное, рано из жизни ушел. Очень яркий человек был».

Жизнь после Баграса

Не менее запоминающаяся личность — Роман Иванович Кузоваткин, с 1968-го по 1971 год возглавлявший «Мегионнефть», а позже НГДУ «Нижевартовскнефть». После открытия Самотлорского месторождения, перешел туда работать и Большагин.

— Как-то на выходных увидел меня Роман Иванович на промысле и со строгим видом сказал: «Ви-

Пока плыли на «самоходке», успевали и пообщаться, и пару партий в шахматы сыграть

Буксирный пароход тянет караван барж с Баграса. 1965 год

ком и приговаривал: «Что ты, лысая башка, думала, когда сюда ехала?!». Ситуация была равносильна освоению Целины, о котором потом в прессе писали: «Когда один поезд привозил энтузиастов, другой столько же разуверившихся уже вез обратно». Ту же функцию выполнял у нас пароход ВТТ-5. Так что оставались на Севере лишь самые сильные, самые выносливые. И не просто оставались, а работали на износ. Если за первый год баржами отправили 78 тысяч тонн нефти, то через три года — уже 500 тысяч с лишним, а в 1967-м — первый миллион.

В рассказах Большагина о первопроходцах часто звучат известные фамилии: Абазаров, Рынковой, Арнопольский. К примеру, Арнопольского Евгений Васильевич описывает следующими словами: «Шевелюра на ветру развеивается. Плащ — нараспашку, за спиной — винтовка-вертикалка, рядом — большая собака, дог. Нам он чем-то Петра I напоминал. Возможно, не столько внешним сходством, сколько решительностью и вспыльчивостью. Правда, Георгий Самуилович как быстро вспыхивал, так же и остывал. Просто очень он переживал за дело. Все

димо не дорабатываешь, Евгений, по будням». А я ему в ответ: «Сегодня воскресенье, получается, что Вы тоже не дорабатываете». Кузоваткин рассмеялся... Замечательный был человек, — рассказывает Большагин. — Помню, как на одном из торжественных собраний вручили Роману Ивановичу памятный сувенир — статуэтку «Алеши». Поблагодарил, а потом говорит: «Женька Большагин, ты здесь?». Я встал и поднялся на сцену. «Алешу» Кузоваткин подарил мне. Он вообще с огромным уважением к людям относился. Говорил, что имена первопроходцев на специальной стене золотом напишет.

Прямолинейный, честный, принципиальный, всегда встававший на защиту правого дела. Говорят, что именно «благодаря» этим качествам Кузоваткину «Героя труда» не дали. Не получил столь почетное звание и Евгений Большагин, хотя и был представлен к награде. Но наступила перестройка, неразбериха... На каком этапе и куда девались подготовленные документы — достоверно неизвестно.

Хотя, возможно, что «загвоздка» и тут была не в «суматохе». Ведь принципиальности у Большагина тоже хоть отбавляй. Кстати, у него

даже партийный билет до сих пор сохранился, хотя предлагали ему документ порвать и в другую партию вступить. Но Евгений Васильевич отказался. И дело тут совсем не в верности идеям марксизма-ленинизма. Просто такой он человек, что не привык словами разбрасываться и от обещаний отказываться.

Несмотря на свои материально-ответственные должности, для Большагина всегда на первом месте была моральная сторона вопроса. Евгений Васильевич считает, что каждый нефтяник достоин жить в достатке. Правда, о том, как однажды сам чуть было не решил вопрос личного благополучия, до сих пор вспоминает со смехом:

— Когда Самотлор стал известным на всю страну (да и за ее пределами), приезжали сюда известные люди: начиная с артистов и заканчивая первыми лицами государства. Как-то прибыл заместитель министра внутренних дел, зять Брежнева, Юрий Чурбанов. Сидим на трубе. Разговариваем. «А сколько нефть стоит?» — спрашивает. Я затылок почесал, подумал: «А вдруг, государственную тайну продам? Попадет мне». Решил ответить: «Не знаю. Мое дело — добыть, а продать у нас есть кому». «У тебя квартира есть?» — продолжил московский гость. «Есть», — говорю. «А мебель?» — не унимался Чурбанов. «Нет» — отвечаю. Позже выяснилось, что выпытывал он меня не только из любопыт-

Полуглиссер — небольшой быстроходный катер — был отличным транспортом в 60-е годы прошлого века

ства. Перед отъездом Юрий Михайлович вручил мне конверт, в котором было распоряжение выделить гарнитур. Я отправился в ОРС. Начальник базы посмотрел эту «заявку»: «Пожалуйста, иди, выбирай. Только гарнитуров-то нет». Так и остался я тогда без мебели.

После перевода на Самотлор Евгений Большагин более 30 лет руководил самым первым нефтепромыслом НГДУ «Нижевартовскнефть». На его глазах выросло не одно поколение нефтяников.

— Многие со времен 60-х изменилось. Тогда были трудности одни, сейчас — другие, — говорит Евгений Васильевич. — Но нефтяники во все времена остаются людьми особого склада характера: трудолюбивыми, целеустремленными, сильными духом.

От редакции: Выражаем огромную благодарность ветерану ОАО «СН-МНГ» Николаю Ивановичу Чернову за помощь в организации встречи.

Ирина БОЙКО.
Фото Сергея ЛИПКИНА
и из архива ветерана
Н.И. ЧЕРНОВА.

ПЕРВАЯ НЕФТЬ РОССИИ

15 февраля (3 по старому стилю) 1866 года — 150 лет назад — ударил первый в Российской Империи нефтяной фонтан. Символично, что 55-летие мегионской нефти мы празднуем в один год с полуторавековым юбилеем главного открытия отрасли.

«Золотая дата» — 15 февраля, положившая начало всей отечественной нефтедобыче, — лучший повод для того, чтобы зародить новые традиции. Поэтому именно с этого дня мы решили открыть рубрику «Наша история». По инициативе молодых специалистов ОАО «СН-МНГ», будет запущена одноименная рубрика электронной рассылки, цель которой — информировать сотрудников о значимых событиях в истории предприятия и отрасли.

Одним из родоначальников российской нефтепромышленности считается Ардалион Новосильцев — полковник, участник Кавказской и Крымской войн. Именно его позже великий ученый Дмитрий Менделеев назовет «первым бурильщиком Кубанского края».

В 1864 году, по особому повелению Николаевич получил монопольные права на поиск и добычу нефти на значительной территории Кубанской области. Руководителем буровых работ он назначил механика Владимира Петерса, с которым собрал бригаду опытных рабочих. Началось активное строительство скважин — это были первые «нефтяные колодцы», при возведении которых использовались металлические обсадные трубы, а бурение велось механическим ударным способом. Поэтому А.Н. Новосильцев стал родоначальником механизированного нефтяного бурения в России.

В течение почти двух лет разведочные работы не приносили существенных результатов. Коренным образом все изменилось с завершением проходки самой глубокой скважины № 1 в селе Киевское, в долине реки Кудачо. Уже при достижении глубины 40 футов здесь появились притоки нефти, после чего буровые работы были продолжены с еще большей интенсивностью. И наконец, 15 февраля (3 февраля по старому стилю) 1866 года, с глубины 123,5 футов (37,6 м) ударил первый в России нефтяной фонтан. По подсчетам горного инженера Фридриха Кокшуля, первая фонтанирующая скважина на реке Кудачо только за 139 суток эксплуатации дала огромный для того времени объем нефти — 347 тыс. 719 ведер.

В 1937 году в честь первой нефтяной скважины России нефтяники соорудили памятник. Во время Великой Отечественной войны он был разрушен, а в 1958 году — восстановлен. На одной его грани есть надпись: «Первооткрывательница нефти в России, скважина № 1. Пробурена полковником А.Н. Новосильцевым в 1866 году».

Подготовила
Владислава МАКОВЕЦКАЯ.